

- рия Михаила Покровского// Электронный ресурс: [http://rulife.ru/index.php?mode=article&artID=872]
3. Кизеветтер А. Царствование Александра I в новом освещении//Русская мысль. 1908. кн.I-II.
 4. Когонашвили К.К. Педагогическая деятельность и методические взгляды Михаила Николаевича Покровского.- М., 1968; Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. - М.: Мысль, 1970; Чернобаев А.А. Чернобаев А.А. М.Н. Покровский - ученый и революционер // Вопросы истории. 1988. №8. С.3-23 и др.
 5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.36. М., 1962.
 6. См. напр. Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
 7. Нечкина М.В. Крестьянские восстания Разина и Пугачева в концепции М.Н. Покровского//Против исторической концепции М.Н. Покровского. М.;Л., 1939. ч.1. С. 244-275; Восстание декабристов в концепции М.Н. Покровского//Там же. С. 303-336.
 8. Панкратова А. Развитие исторических взглядов М.Н. Покровского//Против исторической концепции М.Н. Покровского. Сб.статей. ч.1. М.;Л., 1939; Дубровский С.М. Академик Н.М. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки//Вопросы истории. 1962. №3; История и историки. Историографическая история СССР. Сборник статей. М., 1965; Черепнин Л.В. М.Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки// Очерки истории исторической науки в СССР. Т.IV. М., 1966; Когонашвили К.К. Педагогическая деятельность и методические взгляды Михаила Николаевича Покровского. М., 1968; Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Л., 1969; Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970 и др.
 9. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке, часть I и II (от древнейших времен до конца XIX столетия). М.: ГИЗ, 1920.- 276 с.
 10. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. Четвертое посмертное издание. М.: Партийное издательство, 1933. (Как и кем писалась русская история до марксистов.)
 11. Покровский М.Н. Избранные произведения: в 4 кн. - Кн.1. М., 1966.
 12. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке//Избранные произведения в четырех книгах. Кн.3. М.: Мысль, 1967.
 13. Современный мир. 1908. №1. С. 137-138; Скворцов-Степанов И.И. Избранные произведения. Т.1. М., 1930. С. 309-311.
 14. Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М.: Мысль, 1970.
 15. Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV веках. М, 1960.

МЕНШЕВИКИ И СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Аннотация. В статье анализируются основные проблемы современной отечественной историографии крупнейших российских социалистических партий – социалистов-революционеров и меньшевиков, отмечены проблемы и перспективы исследований. Показаны крупные исследовательские проблемы, стоящие перед современными отечественными и зарубежными авторами – источниковая база, участие меньшевиков и эсеров в гражданской войне, изучение биографий видных деятелей партий, история местных партийных организаций. Рассмотрено отражение эволюции идеологии и практики российских социалистических партий в трудах историков последних десятилетий.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров, партия социал-демократов (меньшевики), Октябрьская революция 1917 г., Гражданская война, историография.

A. Suslov
MENSHEVIKS AND SOCIALISTS-
REVOLUTIONARIES IN SOVIET RUSSIA: PROBLEMS TO
MODERN HISTORIOGRAPHY

Abstract. In article are analysed main problems to modern domestic historiography the most largest Russian socialist party – a socialist-revolutionary and Menshevik, noted problems and prospects of the studies. They Are Shown large exploratory problems, costing before modern domestic and foreign author – source base, participation Menshevik and SRs in civil to war, study biography visible figures party, history of the local party organization. The Considered reflection to evolutions to ideologies and practical persons Russian socialist party in works historian on decennial event.

* © Суслов А.Ю.

Key words: the Socialist parties, party socialist-revolutionary, party social democrats (the menshevik), October revolution 1917, civil war, historiography.

В начале XX века модернизация России была связана с выбором одной из возможных моделей общественного развития: либеральной или социалистической. Либеральная альтернатива революции была утопичной [1, 4-24; 2, 15]. Социалистические идеи в первой четверти XX века в России были гораздо более популярны, о чем свидетельствует количество членов социалистических партий и итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание в 1917 г. в условиях наиболее свободного и демократического голосования. Российская революция, весьма сложное и многообразное явление, состояла из нескольких «потоков» – солдатского, крестьянского, национального и других. Важным элементом была партийная борьба, столкновение и взаимодействие различных общественно-политических движений.

В России начала XX века были представлены все важнейшие направления социалистической мысли. Эсеры являлись, пожалуй, единственной оппозиционной партией, которая обладала влиянием и среди рабочих, и среди крестьян, и среди интеллигенции [3, 207]. За ее плечами стояла долгая традиция крестьянского протеста. Это была единственная крупная партия, полагавшаяся на российскую, а не иностранную идеологию, несмотря на значительное влияние марксизма.

После октября 1917 г. межпартийные противоречия вылились в открытое противоборство большевиков с социалистической оппозицией. Исход этого противоборства оказал существенное влияние на развитие политической системы советского общества. Поражение социалистов-революционеров осенью 1918 г. означало конец попыткам третьего пути – между коммунистической диктатурой и восстановлением монархии. Вполне можно согласиться с А.В.Шубиным, что «...победа большевизма и широкомасштабная гражданская война – оборотная сторона и результат поражения именно социалистической альтернативы в 1917 - 1918 гг.» [4, 167].

Современная российская историография, сохраняя определенную преемственность с предшествующим этапом в изучении деятельности социалистических партий, в большинстве своем отказалась от тех традиций советской науки, которые резко ограничивали познавательные возможности исследователей: политизированности, идеализации политики большевиков, одностороннего и тенденциозного подбора фактов. В то

же время не удалось избежать другой крайности – идеализации противников большевизма.

В современной историографии ПСР выделяется несколько исследовательских проблем, связанных с рассмотрением конкретных моментов деятельности правых эсеров, а также с общей оценкой значения и роли ПСР в послеоктябрьской России. В последнем случае эту задачу призваны решить работы обобщающего характера по истории партии эсеров. Таких работ несколько, однако постановка теоретических аспектов в обосновании причин поражения партии эсеров в политической борьбе выражена недостаточно [5].

Главный вопрос, который в конечном счете стоит перед всеми исследователями – почему партия социалистов-революционеров, весьма сильная и популярная, обладавшая реалистичной программой, так и не смогла прийти и удержаться у власти в общероссийском масштабе? Наиболее часто встречающиеся объяснения сводятся к констатации постоянных расколов в среде ПСР, ошибок и тактических промахов партии в политической борьбе, отсутствия сильного лидера и жесткой организационной структуры, большевистских репрессий после октября 1917 г. Признавая наличие этих, безусловно важных факторов, следует отметить, что они не дают возможности осмыслить в полной мере причины поражения эсеровской альтернативы. Исследований, затрагивающих эту проблему на серьезном концептуальном уровне, пока немного, хотя о ПСР пишет практически каждый исследователь, касающийся истории российской революции и Гражданской войны.

Интересное объяснение причинам провала эсеровской доктрины и победы большевиков дает, опираясь на теорию модернизации, Н.Д. Ерофеев. Социалисты-революционеры, отмечает он, в конечном счете оказались непригодны для коренного преобразования России и ее модернизации. Эсеровская идеология являлась аграрной утопией, в то время как урбанистическая программа большевиков реально соответствовала решению главной задачи страны – модернизации, суть которой составляла индустриализация. Как пишет А.С. Сенявский, «эсеровская идеология была наиболее адекватна настроениям подавляющей части населения страны и могла привести исповедующие ее политические силы к власти, но была абсолютно не способна стать основой столь необходимого стране модернизационного рывка...» [6, 58].

Точка зрения Н.Д. Ерофеева, близкая взглядам А. Гершенкрона, выглядит на сегодняшний день наиболее обоснованной гипотезой политического крушения ПСР, хотя в современной

литературе есть и иные позиции, ставящие под сомнение отказ эсеров принять индустриализацию «как наиболее важный императив» русского будущего. Насколько утопична программа эсеров, если в 1917 г. в их партии доминировало правое крыло? В.Н. Гинев в свое время писал, что «переход с крестьянских позиций на так называемые «общегосударственные» вообще был характерен в 1917 г. для эсеровских вождей, особенно занимавших правительственные посты». В этом случае, совершенно справедливо подчеркивает известный немецкий историк М.Хильдермайер, не может быть никакого разговора об утопизме ПСР, и даже фракция В.М. Чернова, занимавшая в партии левоцентристские позиции, примирилась с «мягкой» формой индустриального развития России [7, 133].

Н.Д. Ерофеев, К.Н. Морозов и М. Хильдермайер вновь поставили важный вопрос об эволюции ПСР в период между 1905 - 1907 гг. и 1917 г., а также между февралем и октябрём 1917 г. Фактическое содержание программы ПСР изменилось, влиятельные группы в партии под воздействием столыпинской реформы считали необходимым говорить об аграрной реформе, а не о революции, воспринимая деревенское общество как общество мелких и средних собственников. Значительная часть этого правого крыла ПСР (А.Р. Гоц, В.М. Зензинов, Н.Д. Авксентьев, И.И. Фондаминский и др.) принадлежала к новому поколению членов партии, которое приобрело свои качественные характеристики во время Первой русской революции, но получило «решающие впечатления» в эру «конституционализма», когда существовала Государственная дума, легально функционировали политические партии, профсоюзы. Эти новые институты и формы следовало использовать [8, 611 - 612]. К 1917 г. партия эволюционировала настолько, что Е.Е. Лазарев позже замечал, что название партии социалистов-революционеров следовало бы изменить, убрав слово «революционеров» [9, 12]. О. Рэдки писал, что «партия эсеров перестала быть революционной в то время, когда вся страна стала таковой в самом широком и глубоком смысле этого слова» [10, 468].

В послеоктябрьский период эволюция ПСР продолжалась. Правые эсеры все более склонялись к демократическим, а не социалистическим методам государственного регулирования экономики и организации хозяйства. В общих чертах такая позиция сложилась уже к 1923 г. [11, 172 - 173]. В связи с этим любопытно замечание В.И. Миллера, что именно «левые эсеры сохранили верность основополагающим принципам ПСР, революционному духу и букве ее программы, а изменила ей правая часть ПСР, пошедшая

за меньшевиками в их отрицании самой возможности движения страны к социализму» [12, 30]. Если переход политической партии на более реалистические и отвечающие интересам страны позиции, пусть не востребованные, считать «изменой», то с этим можно согласиться.

Обширные дискуссии о судьбах российской социал-демократии развернулись в связи со столетием образования РСДРП (1998) и юбилеем знаменитого Второго съезда (2003). Многие исследователи пытаются проследить исторический путь российской социал-демократии с момента ее возникновения до сегодняшнего дня [13]. Главный вопрос – почему в России победил большевистский вариант развития, почему меньшевики проиграли, хотя, казалось бы, после крушения монархии в 1917 г. обладали всеми возможностями для прихода к власти? Исследователи выделяют несколько причин. Главная из них, отмечает С.В. Тютюкин, заключается в том, что меньшевистский вариант марксизма «...носил слишком книжный характер, не соответствовавший российским и мировым реалиям начала XX в.» [14, 308]. Российский капитализм, а равно и рабочий класс, еще не достигли западного уровня развития, отсутствие же демократических традиций и соответствующей политической культуры делало меньшевистскую модель социализма неадекватной объективным условиям.

По мнению В.И. Бакулина, «печальный финал» меньшевиков был связан с политическим курсом, избранным РСДРП после крушения самодержавия: фактический отказ от социально-экономических преобразований и сосредоточение на «демократических процессах». Догматизм, сочетание блестящего теоретического анализа с непоследовательностью и нерешительностью в практических действиях, отсутствие тесной связи с массами привели меньшевизм к крушению [15, 80 - 81].

1990-е гг. стали подлинным прорывом в создании документальной истории российской социал-демократии. Выделяются масштабные проекты «Меньшевики в 1917 году» и «Меньшевики в большевистской России. 1918 - 1924». Впервые удалось привлечь материалы из российских и зарубежных архивов, ввести в научный оборот ряд новых документов, уточнить имеющиеся публикации. Обширные предисловия и комментарии к этим сборникам фактически представляют собой самостоятельные очерки истории РСДРП в пореволюционную эпоху – о РСДРП в конце 1917 г. [16], событиях 1919 - 1920 гг. [17], о времени 1921 - 1922 [18], 1922 - 1924 гг. [19]. Составители сумели представить позицию различных течений в меньшевизме, в том числе социал-демократических групп, не входивших в партию. Впервые

опубликованы многие документы Чрезвычайного съезда РСДРП (1917 г.), материалы Всероссийских совещаний и конференций 1918 - 1922 гг., Заграничной Делегации, местных партийных организаций.

О политике правящего режима по отношению к социал-демократам в 1920-е гг. появился ряд документальных публикаций, из которых наибольший интерес представляет сборник (по материалам архива ФСБ) «Меньшевики в советской России» под редакцией А.Л. Литвина [20], где представлена подборка источников как собственно меньшевистского, партийного происхождения, так и документы о репрессиях по отношению к меньшевикам. Переиздан ряд произведений Ю.О. Мартова и А.Н. Потресова с включением ранее не публиковавшихся писем; сделана попытка составить библиографию работ Мартова и Ф.И. Дана. Очевидна необходимость создания подробных библиографических справок деятелей меньшевизма, которые позволили бы дополнить соответствующие эмигрантские указатели.

Особый интерес вызывает эволюция теории и практическая деятельность РСДРП в годы Гражданской войны. Традиционная советская версия, утвердившаяся еще в 1920-х гг., обвиняла меньшевиков в поддержке (пусть и косвенной) Белого движения и интервенции, в антисоветской агитации и пропаганде. Советские историки не обращали особого внимания на различные течения в послеоктябрьском меньшевизме, анализ программных и тактических установок отдельных группировок социал-демократии всегда сопровождался стандартными выводами об «антисоветской сущности» всех меньшевиков.

В «перестроечную» эпоху в исторической литературе стали превалировать иные подходы. Социал-демократов стали рассматривать как политических реалистов и подлинных выразителей демократических идеалов. Весьма показательна в этом плане работа И.Х. Урилова о Мартове. В Советской России, подчеркивает Урилов, Мартов и его единомышленники представляли собой, демократическую, невооруженную оппозицию, «в чем-то поддерживающую большевиков, но вместе с тем активно, публично, в том числе за рубежом, критикующую теневые стороны большевистского режима» [21, 375]. Анализируя полемику Мартова с представителями правого течения в меньшевизме, в частности с П.Б. Аксельродом и Ст. Ивановичем, Урилов считает доводы Мартова более предпочтительными.

В 1990-е гг. в российской историографии стали разрабатываться и иные подходы, более близкие так называемой «тоталитарной» концепции. «Полупризнание» большевистской диктату-

ры дало Р. Пайпсу, одному из лидеров «тоталитарной школы» западной историографии, повод резко упрекнуть самих меньшевиков и эсеров в их крушении: «Эта позиция была не чем иным, как рациональным выражением нерешительности и страха... отказавшись ответить силой на силу, левая интеллигенция обрекла на смерть демократический путь развития России» [22, 110]. Умеренные социалисты относились к большевикам как к «заблудшим товарищам», которые получают урок и не смогут долго продержаться у власти. В итоге они капитулировали без боя. С этим утверждением вполне солидарен В.Н. Бровкин, отмечавший, среди прочих причин поражения меньшевиков (репрессии, ослабление рабочего класса, расколы), паралич «спектром контрреволюции» – левоцентристское крыло РСДРП воспринимало большевиков как меньшее зло в сравнении с возможной белой диктатурой [23, 298].

Во многом соглашались с такой позицией авторы вступительной статьи к сборнику меньшевистских документов за 1919 - 1920 гг. – А.П. Нароков, Д.Б. Павлов и У. Розенберг. Они подчеркивают справедливость замечания Аксельрода о том, что оценка официальным меньшевизмом большевистского переворота и большевистской диктатуры по сути служила теоретической базой для оправдания большевистского режима [17, 31].

Дискуссия в современной историографии отражает борьбу мнений в самой меньшевистской партии после октября 1917 г. Часть исследователей солидаризуется с тактикой Мартова, другие полагают, что меньшевикам стоило вести активную борьбу с правящим режимом, как то предлагало правое крыло РСДРП, прежде всего Аксельрод и Потресов. Эволюция их взглядов, борьба с «официальным меньшевизмом» впервые стала предметом специального анализа в современной российской исторической литературе.

Характерным явлением современной историографии ПСР, РСДРП и ПЛСР становится увеличение количества работ, посвященных деятельности партий в регионах. Огромные пространства России, национально-культурная специфика, сложность коммуникаций в годы Гражданской войны, наличие (или отсутствие) авторитетных партийных лидеров накладывали серьезный отпечаток на деятельность местных партийных организаций. Региональные комитеты зачастую действовали на свой страх и риск, произвольно трактуя директивы ЦК или не имея таковых. Наиболее полно исследованы организации социалистов в Сибири, Центральном районе, на Урале и Дальнем Востоке. Гораздо меньше известно о деятельности местных организаций

в Поволжье, на Северном Кавказе, Европейском Севере и – что в какой-то степени парадоксально – в Москве и Петрограде.

Причины провала демократической версии социалистической альтернативы можно найти и в традиционной авторитарной политической культуре России, и в катастрофических социальных условиях, вызванных Гражданской войной, и в действиях большевиков и Белых режимов [24, 120]. Однако, на наш взгляд, провал демократического эксперимента в России был главным образом обусловлен его собственной политической слабостью, раздробленностью социалистов-революционеров и меньшевиков. Лидеры российских социалистических партий перешли на умеренные реформистские позиции в тот период, когда большинство населения страны (прежде всего рабочие и солдаты), в том числе и значительное количество рядовых эсеров и меньшевиков, стали придерживаться радикальных взглядов. Этот конфликт привел к тому, что социалисты после прихода большевиков к власти и начала Гражданской войны оказались в сложном и противоречивом положении – их оппозиционность, с одной стороны, прямо вытекала из политики правящего режима, с другой, степень этой оппозиционности зависела от угроз со стороны Белого движения.

ЛИТЕРАТУРА:

- Тютюкин С.В. Социалистические модели общественно-политического развития России // Россия в условиях трансформаций: Историко-политологический семинар. Вып.6. М., 2000. С.4 - 24.
- Журавлев В.В. От социал-демократии к демократии – один век?: (Исторические судьбы демократической альтернативы в России в начале XX столетия) // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в.: Сб. научн. ст. Тамбов, 2001. С.13 - 22.
- Brovkin V. Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918 – 1922. Princeton, 1994.
- Шубин А.В. Эсеры как российский вариант социалистической демократии // Мировая социал-демократия: теория, история и современность. М., 2006. С.144 - 169.
- Аноприева Г.С., Ерофеев Н.Д. Эсеры: между утопиями и реальностью // Политические исследования. 1993. № 6. С.157 - 165.
- Сенявский А.С. Проблемы модернизации России в XX веке: диалектика реформизма и революционности // Россия в XX веке: Реформы и революции. Т.1. М., 2002.
- Хильдермайер М. Шансы и пределы аграрного социализма в российской революции // Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994. С.125 - 134.
- Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907 – 1914 гг. М., 1998.
- Лазарев Е.Е. Из переписки с друзьями. Ужгород, 1935.
- Radkey O.H. The Sickle under the Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule. – N.Y.; L., 1963.
- Ярцев Б.К. Политико-экономическая платформа российского неонародничества в 20-е гг. // Был ли у России выбор?: (Н.И.Бухарин и В.М.Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов). М., 1996. С.142 - 175.
- Миллер В.И. Революция в России. 1917 – 1918 гг. Проблемы изучения: Дис. ... д-ра ист.наук в форме науч. доклада по совокупности опубликованных трудов. М., 1995.
- Урилов И.Х. Судьбы российской социал-демократии // Вопросы истории. 2006. № 3. С.122 - 149.
- Тютюкин С.В. Взлет и падение российской социал-демократии // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. М., 2000. С.298 - 313.
- Бакулин В.И. Между догмой, иллюзией и реальностью: меньшевизм в 1917 году // Отечественная история. 2004. № 1.
- Галили З., Ненароков А. Демократические иллюзии в период наивысшего обострения общенационального кризиса. Первая декада октября – конец декабря. Историко-документальный очерк // Меньшевики в 1917 году. Т.3. Ч.2. М., 1997.
- Ненароков А.П., Павлов Д.Б., Розенберг У. Оппозиция в рамках советской системы: неудавшийся дрейф «влево». 1919 – 1920 гг. Документально-исторический очерк // Меньшевики в 1919 – 1920 гг. М., 2000.
- Ненароков А., Паначчионе А., Розенберг У. От легальности к подполью. Начало новой волны вынужденной эмиграции. Документально-исторический очерк // Меньшевики в 1921 – 1922 гг. М., 2002.
- Либих А., Михайлов А., Ненароков А., Паначчионе А., Перемышленникова Н. Крах социал-демократического подполья в большевистской России 1922 – 1924 гг. // Меньшевики в 1922 – 1924 гг. М., 2004.
- Меньшевики в советской России: Сб.док. Казань, 1998.
- Урилов И.Х. Ю.О.Мартов. Политик и историк. М., 1997.
- Пайпс Р. Создание однопартийного государства в Советской России (1917 - 1918 гг.) // Минувшее. Вып.4. М., 1991. С.95 - 139.
- Brovkin V. The Mensheviks after October: Socialist Opposition and the Rise of the Bolshevik Dictatorship. – Ithaca and London, 1987.
- Шубин А.В. Социалисты в российской революции 1917 – 1921 гг. // Карло Росселли и левые в Европе: к 100-летию со дня рождения. М., 1999. С.91 - 126.